

Мрачная фраза «Проклят до седьмого колена» тут ни при чём. Тут всё наоборот: обычный орловский дьяк остаётся в памяти вот уже семи поколений своих потомков. А долгая добрая память — это, наверное, и есть счастье.

Представьте Орёл ровненько посередине девятнадцатого века. Городская окраина была где-то в нынешних Курских улицах.

За ними, «в пригороде», расположился женский монастырь, а напротив уютился маленький домик монастырского дьякона Даниила Даниловича Азбукина.

Он-то, старательный, но весьма небогатый и вполне безвестный орловец, и стоит во главе семейного родословия. Хотя, по сказочному семейному преданию, фамилия восходит аж к временам Кирилла и Мефодия, придумавших славянскую азбуку.

Да не об азбуке будет речь — часы-ходики у дьякона ночью уснули! А дьякониха оттого проснулась: не слышно тиканья. Вместо него чьи-то морозные шаги за окном.

— Никак, соседский сынок в школу пошёл... Афоня! Пора вставать!

Не встаёт Афоня, всем своим детским естеством чует, что ночь ещё глубокая. Однако времена были беспрекословные, капризы не позволялись. Так что скоро выпроводила мать мальчонку во тьму.

Пошёл он по позёмке. Знаменитого своей крутизной железнодорожного рва Орловско-Брянской колеи тогда ещё не было, ну а всё остальное — метель, безлюдье, собаки — присутствовало, как и сейчас, в избытке.

В общем, прибыл заснеженный мальчик в школу... к шести утра. К закрытой на замок двери, поскольку до уроков оставалось ещё целых три часа.

Ходики подвели. Единственный в доме механизм.

А мне удивительно, что вообще в те годы уже имелись часы. Мне грезится, что они явились совсем недавно, где-то вместе с компьютерами.

Продолжать дальше? Я ведь пересказываю эпизоды из рукописи «Семейная хроника» Сергея Азбукина. Знаете, сколько той хроники? Восемь общих тетрадей! На каждой стоит мелкая пометка: «16-я редакция».

То есть автор дополнял и переписывал тетрадки по шестнадцать раз! В 1980 году это было. Сергею Александровичу, внуку того Афони, тогда шёл уже семьдесят девятый...

Ну ещё немного про Афоню, поскольку получился из него самый, по свидетельству автора, достойный Азбукин.

Вырос он, хорошо отучился, ежедневно перебиваясь в обед засунутой мамкой в карман ржаной краюхой, и решил поступить в Киевский университет. Был август 1862 года...

По тракту шесть славных лошадей мчали дормез (большая карета со спальными местами). Одна орловская барыня ехала в Киевскую лавру отмолить накопившиеся свои барские грехи.

Проедет, остановится, передохнёт. Ещё проедет, ещё передохнёт... Да и заприметила: какой-то пыльный незнакомец каждый раз оказывается на конной станции на секунду раньше неё.

Несколько дней так было, а когда до Киева осталось каких-то пятьдесят вёрст, барыня не вы-

Фото Андрея САСИНА.

ДО СЕДЬМОГО КОЛЕНА

держала и приказала службе позвать запылённого юношу.

Тот подошёл, вежливо снял фуражечку.

— Скажите, любезный, как это получается: я еду на хорошем шестерике, но неизменно оказываюсь позади вас. На чём же вы меня обгоняете?

— Тоже на шестерике, — поклонился незнакомец.

— А где же он?

— Вот... — и парень указал на карету самой барыни.

— Это как же? — нахмурилась глупая, как и положено столбовой дворянке, баба.

— А вот так: вы едете внутри дормеза, а я снаружи, на запятках...

Эх-ма! Каков молодец?

Хотела барыня рассердиться, да вовремя вспомнила про предстоящие моления и разрешила Афанасию (это был он) дальше ехать на козлах, рядом с кучером. А лакей барыни с недовольным видом занял место на запятках...

Поразительные истории таит в себе эта семейная хроника. Авторский слог слегка путан и пышноват, уснащён третьесортными эпитетами — да разве то помеха? Ведь полтора столетия зовут к себе!

Внимательно прочёл лишь первую тетрадь — и хочется всю пересказать. Как новоявленный студент Афанасий Азбукин месяц ночевал в киевских аллеях, как через четыре года успешной учёбы вернулся в Орёл... пешком. Богатой кареты с запятками не подвернулось.

И был у Афанасия брат Павел, умница ещё похлеще. Книжки социалистов-утопистов читал, а потом нечаянно стал... священником в селе Алешня.

Догадываетесь, что проповедовал Павел Данилович с амбона? Правильно: идеи утопического социализма. Прямой, горячий, он бичевал местного поме-

щика; а кончил тем, что надавал тому помещику по мордам и был сослан на Белое море.

И был ещё один их брат — Пётр. Он стал начальником станции «Кромская платформа» — первой от Орла на только что построенной Рижской железке. Пётр Данилович был весьма не промах выпить и, разгорячён-

став учителем барчука, умыкнул из деревни Чигиринки, что на берегу речушки Любовша, дворянскую дочь Ольгу Кирееву и образовал с ней семью, которой до сих пор гордится род Азбукиных.

А отец Ольги Васильевны был двоюродным братом декабриста и сам едва спасся от Сибири; но не спасся от дуры жены: по «ре-

волюционной» моде тех лет женился вдруг на крепостной Аксинье, а та оказалась патологической жадной — даже подушки взвешивала, боясь, что прислуга (бывшие уличные подружки) ворует пух...

И это только начало. В следующих тетрадях описываются родословные Киреевых, Есиповых (которые создали с Азбукиными целых три семьи, и все — по горячей любви).

Мелькают имена фетовских родичей Шеншиных, Апухтина, Якушкина, упомянут брат Бунина. Но всё это естественно: Орёл — городок небольшой. Мне больше нравятся неожиданные бытовые картинки. Скажем, как к дворнику Афанасия Даниловича Ивану приезжала из деревни жена.

Ведь примерный Афанасий,

«— Ну как, Иван, угостил жену? — Да уж как водится. — Как же ты её угостил? — Купил новый картуз и шарф. — Кому? Ей? — Да нет, зачем же, им не полагается, себе купил то есть... — Ну а потом? — Потом ходили в пивную. — Неужели она у тебя пивному интересуется? — Нет, зачем же, я то есть выпил кружечку. — А она? — Она так, у двери постояла».

Жена, между прочим, уехала совершенно очарованная городской жизнью и «облагородившимся», не буйным мужем.

Сергей Александрович ушёл из жизни. Его рукопись хранится у Михаила Алексеевича Нечаева. Нечаевы — ещё один орловский род, близкий к Азбукиным, его родословная описана в последней, восьмой, тетради.

Михаилу Алексеевичу сейчас за девяносто. За четверть века рукопись «Семейная хроника» истёрлась, обложка выгорела, строки выцветают. Однако теперь это настоящая реликвия, и, наверное, не только семейная.

Недавно о ней узнал директор издательства «Вешние воды» А. И. Лысенко и приехал к Нечаеву (дедушка уже не выходит из дома). Михаил Алексеевич передал ему тетради — конечно, с условием возврата.

Издатель и познакомил меня с ними. Дух захватило от десятков сюжетов и фактов. Думается, когда-то рукопись будет издана. Но сначала ей нужен умный редактор, способный бережно сократить текст. Всё-таки многовато в тетрадках словесных неуклюжестей, длиннот и бытового мелководья. Может, это дорого родственникам, но широко читателю ни к чему.

Сказанное нисколько не умаляет подвига покойного автора. Он сумел пронзить толщу времени, на примере обычной, в общем-то, семьи показать жизнь родного города.

«По тогдашней моде Афанасий Данилович каждое лето арендовал купальню на Оке... И каждый год в начале ноября приходил хозяин купальни и слёзно молил: «Афанасий Данилович, прикажите вашей старшей дочке кончать с купанием... Уже Ока льдом покрывается; сами посудите, ну не уберу я купальню вовремя, её унесёт полый водой, мне убыток. Честно прошу, уж прикажите дочке...».

«Орёл был занят белыми. Три раза я видел расстрел... Впервые увидел английский танк с высокими гусеницами».

Из таких простых свидетельств и складывается История. Рукописи, конечно, не горят, но они выгорают от времени. Нельзя, чтобы истёртые тетради так и выцвели без пользы.

Семь, нет, теперь уж восемь поколений памяти... Мы к тому не привыкли. Многие ли из нас помнят хотя бы своего прадеда?

А тут человек на склоне лет, упрямый, слегка нравоучительный, отчего не всегда понимаемый даже родными, провёл, как сам пишет, «египетскую» работу и сделал редкостный подарок потомкам.

Всем нам пример. Давайте побольше записывать. Старое доброе эпистолярное время сменилось телефонными разговорами, и это принесло свои минусы.

Между тем тетрадный лист порой значит для истории не меньше гербового документа.

Юрий ОНОПРИЕНКО.